

DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.056

УДК 811.161.1'282.2(470.1/2) + 811.511.1 +
+ 81:39 + 81'373.6 + 81'373.423**Л. А. Феоктистова**Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

К ЭТИМОЛОГИИ ЛЕКСЕМ С КОРНЕМ *РИНД-/РЫНД-* В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В статье предпринята попытка выяснить происхождение ряда омонимов, а также их коррелятов (фонетических, лексико-семантических вариантов и производных слов) — *ринда* / *рында*, *рын(д)ега* / *рынюга*, *ринь* / *рынь* и др., которые зафиксированы в севернорусских говорах в самостоятельном и связанном (в составе фразеологических словосочетаний) употреблении в двух ареалах — это северо-западные районы Архангельской области и Белозерье. Основным источником диалектного материала служит картотека «Словаря говоров Русского Севера», что позволяет при этимологизации и семантической реконструкции диалектизмов учитывать ряд дополнительных параметров: точную географическую привязку, число фиксаций и др. С точки зрения семантики данные диалектизмы могут быть объединены в пять групп: природная сфера (метеорология), различные сферы деятельности человека (рыболовство, кулинария, с некоторой долей условности одежда), а также поведение человека. Данные лингвогеографии указывают на заимствованный характер лексем и финно-угорские языки как языки-источники заимствования. Для лексем каждой группы отыскивается источник в прибалтийско-финских языках (карельском и/или вепсском) либо саамском с учетом сведений о былом расселении финно-угров на указанной территории, а также корреляции *и* // *ы* и происхождения фонемы *ы* в изучаемых диалектизмах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: севернорусские говоры; финно-угорские языки; Белозерье; омонимы; морфосемантическое поле; заимствование; субстрат; этимология; семантическая реконструкция

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Автор искренне благодарен *О. В. Мищенко* за ценные замечания и консультации при подготовке данной статьи к печати.

Ц и т и р о в а н и е: Феоктистова Л. А. К этимологии лексем с корнем *ринд-/рынд-* в севернорусских говорах // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 231–247. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.056>

Поступила в редакцию: 08.06.2021

Принята к печати: 15.08.2021

Lyubov A. Feoktistova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

ON THE ETYMOLOGY OF LEXEMES WITH THE ROOT *РИНД-/РЫНД-* IN THE NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

This article attempts to find out the origin of a number of homonyms, as well as their correlates (phonetic, lexical-semantic variants, and derived words), i.e. *ринда* / *рында*, *рын(д)ега* / *рынюга*, *ринь* / *рынъ*, etc. They are recorded in the Northern Russian dialects in independent and related (as part of phraseological phrases) use in two areas, i.e. the north-western regions of Arkhangelsk region and Belozerye. The main source of dialect material is the card catalogue of the *Dictionary of Dialects of the Russian North*, which makes it possible to take into account a number of additional parameters during the etymologisation and semantic reconstruction of dialecticisms: the exact geographical reference, the number of fixations, etc. From the point of view of semantics, these dialecticisms can be divided into five groups: the natural sphere (meteorology), various spheres of human activity (fishing, cooking, clothing (with some conditionality)), as well as human behaviour. The linguistic geography data indicate the borrowed character of the lexemes and the Finno-Ugric languages as the source languages of borrowing. For the lexemes of each group, a source is found in the Finnic languages (Karelian and/or Veps) or Sami, taking into account information about the former settlement of the Finno-Ugric peoples in the specified territory, as well as the correlation *u* // *ы* and the origin of the phoneme *ы* in the dialecticisms studied.

Key words: Northern Russian dialects; Finno-Ugric languages; Belozerye; homonyms; morpho-semantic field; loan word; substratum; etymology; semantic reconstruction

Acknowledgements

The research was supported by the *Russian Science Foundation* grant project 20-18-00223 “Etymologisation and Semantic Reconstruction of Russian Dialect Vocabulary”.

The author would like to express her sincere gratitude to *O. V. Mishchenko* for her valuable comments and advice in preparing this article for publication.

For citation: Feoktistova, L. A. (2021). К этимологии лексем с корнем *ринд-/рынд-* в севернорусских говорах [On the Etymology of Lexemes with the Root *ринд-/рынд-* in the Northern Russian Dialects]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(3), 231–247. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.056>

Submitted: 08.06.2021

Accepted: 15.08.2021

1. Предварительные замечания

В ходе работы над коллективным проектом по этимологизации русской диалектной лексики — в том числе севернорусской — автор настоящей статьи

счел возможным и даже необходимым вернуться к проблеме этимологизации и семантической реконструкции сев.-рус. *рында* / *рында* и его коррелятов (включая производные). Выход в свет «Русского диалектного этимологического словаря» [РДЭС] и более внимательное изучение полевых записей из картотеки «Словаря говоров Русского Севера» [СГРС] выявили не учтенные в первой статье [Феоктистова] языковые данные, которые также должны стать объектом анализа в рамках обсуждаемой проблемы.

Основным источником диалектного материала для нас послужила картотека «Словаря говоров Русского Севера», что увеличивает степень его объективной репрезентации и позволяет при этимологизации и семантической реконструкции диалектизмов учитывать ряд дополнительных параметров: точную (в силу своей точности) географическую привязку, число фиксаций, в отдельных случаях даже то, от кого и кем сделана запись.

В качестве рабочего понятия и инструмента анализа на первом этапе исследования мы используем понятие морфосемантического поля. Это позволяет учесть различные типы языкового варьирования входящих в полевую структуру и функционирующих на одной территории единиц, а в конечном счете — все единицы, так или иначе связанные друг с другом формальными и/или смысловыми отношениями (на доэтимологической стадии анализа невозможно точно эти отношения атрибутировать, зато мы получаем возможность наиболее полной выборки материала). Языковые данные по другим территориям — не смежным и не исторически «исходным» — или относящиеся к иным языковым идиомам¹ приводятся только при наличии каких-либо корреляций с севернорусским материалом, поскольку их системное рассмотрение не вошло в наши задачи.

Таким образом, при отборе материала мы учитывали два критерия: 1) формальный — частичное или полное звуковое сходство; 2) географический — фиксация в пределах одного диалектного ареала. Ареал этот — территория Русского Севера (Архангельская и Вологодская области), но наибольшее количество фиксаций приходится на северо-западные районы Вологодской области — Белозерский, Вашкинский и Вытегорский, которые относятся к территории Белозерского края.

Цель нашего исследования — выяснить происхождение севернорусских диалектизмов и посредством этого установить тип системных отношений между ними (многозначность и/или омонимия, словообразовательная и/или семантическая производность). Сведения, полученные в ходе этимологического и семантико-мотивационного анализа, как нам представляется, могут быть использованы при составлении словарных статей на соответствующие лексемы в «Словаре говоров Русского Севера».

---

¹ См., например, проф. жарг. (морск.) *бить рынду* 'звонить особым способом в судовой колокол (обычно в полдень)' (от англ. *Ring the bell* [СРФ, с. 509–510]) с дальнейшим развитием в ср.-обск. *бить рынды* 'бездельничать' [СРНГ, вып. 35, с. 311].

2. Составляющие морфосемантического поля *рин(д)* - */рын(д)* -, *рин'* - */рын'*: языковое варьирование и лингвогеография

В северо-западных районах Вологодской области — Белозерском, Вашкинском и Вытегорском — отмечен ряд лексем, которые имеют схожее звучание и значение либо связаны друг с другом отношениями словообразовательной или семантической производности, см.:

- влг. *ринда* (Бел) / *рында* (Бел), *рындега* (Бел, Выт) / *рындюга* / *рынега* (Выт), *ринь* (Бел) / *рынь* (Бел, Ваш, Выт) 'иней или снег на ветвях деревьев', *рындега* (Бел) 'первый снег' [КСГРС]; *рындяга* (Выт) 'иней на стенах в избе' [ПЛГО], *рындяга* 'то же' [СРГК, вып. 5, с. 594];

- влг. (Выт) *ринда* 'рыболовная снасть, род мережи', 'часть рыболовной снасти: сеть с мелкой ячейей в середине снасти' [КСГРС] – ср. арх. *рында* (Плес) 'то же' [Там же]; заон. *ринда* 'частая сеть в неводе' [Куликовский, с. 100]; *ринда* (Кем, Мез, Он, Холм, Шенк) 'ближайшая к матице часть невода', 'мелкоячейный невод для ловли сельдей' [Подвысоцкий, с. 147];

- влг. (Ваш) *рында* 'запеканка из молозива': «Когда корова отелится, первый удой молока запекают, эту запеканку называют рында» [КСГРС] (единичная фиксация, со знаком вопроса к лексеме);

- влг. (Выт) *ринда* 'старая рваная одежда, лохмотья', 'оборванный человек в старой изношенной одежде' [КСГРС] – ср. сев.-зап. *рында* 'неряшливый человек' [СРНГ, вып. 35, с. 311];

- влг. *рында* (Ваш) 'бранно (по отношению к человеку)': «Ой ты, рында, чево делаешь-то»; «Чё-нить плохое сделать кто – ой ты, как рында» – ср. арх. (Пин) *рында* 'непоседливый ребенок' [Там же];

- в составе фразеологизмов: *рында сделает* (Бел) 'о нежелании что-л. сделать, предполагая, что это сделает другой': «А, надоело, дак рында сделает»; «Я не сделаю, рында за меня не сделает»; «Хоть трудно было, не рында, люди всё делали» [КСГРС]; *рында съела* (Бел) 'о ком-, чем-л. внезапно пропавшем': «Если что внезапно потеряешь, пропадёт, скажут, рында съела»; влг. (Бел) *рынь его (душу) знает* 'о ком-, чем-л. неизвестном': «Вот болото, а рынь его душу знает, как его назвать» [КСГРС].

Для дальнейшего анализа имеющийся языковой материал целесообразно обобщить не только по семантическому принципу, как было сделано выше, т. е. исходя из общности значений входящих в морфосемантическое поле лексем, но также и по формальному, учитывая общность лексического выражения отдельных значений, их территориальную дистрибуцию и количество фиксаций (см. таблицу).

**Слова с корневыми морфемами *рин(д)*-/*рын(д)*-, *ринь*-/*рынь*
в свете лингвогеографических данных**

№	Составляющие морфосеманти- ческого поля	Вологодская область			Другие территории	Всего
		Бел	Ваш	Выт		
1	<i>рѣнда</i>	1	–	3	11+*	15+
	‘часть рыболовной снасти: сеть с мелкой ячейей в середине снасти’	–	–	1	Арх: Мез, Кем, Он, Плес (2), Холм, Шенк; заон.; Костр: Кол	10+
	‘рыболовная снасть, род мережи’	–	–	1	–	1
	‘иней или снег на ветвях деревьев’	1	–	–	–	1
	‘старая рваная одежда, лохмотья’	–	–	1	–	1
	‘человек в старой изношенной одежде’	–	–	–	сев.-зап.	1+
2	<i>рында</i>	14	5	–	3+	22+
	‘иней’	12	–	–	–	12
	‘часть рыболовной снасти: сеть с мелкой ячейей в середине снасти’	–	–	–	Арх: Плес (2)	2
	‘бранно о человеке’	–	2	–	–	2
	‘непоседливый ребенок’	–	–	–	Арх: Пин	1+
	‘запеканка из молозива’	–	1	–	–	1
	‘о нежелании что-л. сделать’: <i>рында сделает</i>	2	1	–	–	3
	‘о ком-, чем-л., внезапно пропавшем’: <i>рында съела</i>	–	1	–	–	1
3	<i>рындега</i>	2	–	2	–	4
	‘иней’	1	–	2	–	3
	‘первый снег’	1	–	–	–	1
4	<i>рындюга</i> ‘иней’	–	–	1	–	1
5	<i>рындяга</i> ‘иней на стенах в избе’	–	–	2	–	2
6	<i>рынега</i> ‘иней’	–	–	1	–	1
7	<i>ринь</i> ‘иней или снег на ветвях деревьев’	5	–	–	–	5
8	<i>рынь</i>	9	–	–	–	9
	‘иней’	8	–	–	–	8
	‘о ком-, чем-л. неизвестном’: <i>рынь его (душу) знает</i>	1	–	–	–	1
Всего		31	5	9	14+	59+

* Знак «+» («плюс») после цифры указывает на наличие фиксаций в других, помимо КСГРС, словарных источниках, количество этих фиксаций по понятным причинам сосчитать невозможно.

Слова *рында* и *рында* имеют наибольшее число фиксаций (более 20 и более 15 соответственно), наибольшее число значений и наиболее широкую географию распространения. Одно из значений — ‘часть рыболовной снасти: сеть с мелкой ячеей в середине снасти’ — присуще им обоим, другое — ‘иней или снег на ветвях деревьев’ — еще и остальным членам этого ряда. Это значения с наибольшим числом фиксаций в рамках морфосемантического поля (т. е. с учетом фиксаций не только у *рында* и *рында*, но и у других членов ряда) — более 11 и 32 соответственно. Существенно также то, что оба значения фиксируются у лексем, имеющих разную огласовку корня — [ы] или [и] — на одной и той же территории: ‘часть рыболовной снасти: сеть с мелкой ячеей в середине снасти’ — в Плесецком районе Архангельской области, ‘иней или снег на ветвях деревьев’ — в Белозерском районе Вологодской области.

Внутри рассматриваемого морфосемантического поля можно также выделить несколько рядов звуковых корреляций:

- одиночный согласный или группа согласных на конце основы: *нд // нд' // н'* — ср. *рында* / *рындега* / *рындюга* / *рынега* / *рынь*;
- наличие / отсутствие некоего «расширителя» основы -*Vz(a)* — ср. *рында* / *рындега* / *рындюга* / *рындяга*, *рынь* / *рынега*;
- варьирование гласного в корне: *ы* и/или *и* — ср. *рында* / *рында*, *рынь* / *ринь* (в пользу того, что на синхронном уровне это именно фонетическое чередование как раз свидетельствует фиксация указанных лексем в одном и том же значении в одном ареале).

В связи с изложенными выше данными встает вопрос о том, как соотносятся друг с другом (и соотносятся ли вообще) фиксируемые у одной и той же лексемы значения (а они весьма разнородны), а также вопрос о том, чем объясняются указанные ряды чередований в корне либо основе слова.

Этимология слов не ясна. В русском языке — формально и семантически — они «выглядят» изолированно и вряд ли могут быть этимологизированы на исконной почве. В то же время география их распространения — Белозерье и, шире, Русский Север — недвусмысленно указывает на их заимствованное происхождение и возможные языки-источники — финно-угорские. Фонетическое (или морфонологическое) варьирование и большая амплитуда смысловых «колебаний» слов с корневыми морфемами *рин(д)-/рын(д)-*, *рин'-/рын'* скорее всего объясняется их омонимичностью (т. е. они являются гомо- или гетерогенными омонимами). Фразеологизмы с *рында* и *рынь* скорее всего возникли на русской почве, правда, не понятно, какова их внутренняя форма, т. е. в каком из значений данные лексемы употребляются в составе устойчивых сочетаний. Объем настоящей публикации, к сожалению, не позволяет нам подробно остановиться на обсуждении этого вопроса, а также вопроса о происхождении арх. *рында* ‘непоседливый ребенок’, влг. *рында* ‘бранно (по отношению к человеку)’.

3. О корреляции гласных *ы* // *и* в морфосемантическом поле *рин(д)-/рын(д)-, рин’-/рын’* в свете финно-угорских языковых данных

Прежде чем обратиться к поиску возможных этимонов в финно-угорских языках, необходимо выяснить, каким фонемам в предполагаемых языках-источниках может соответствовать рус. *ы* и/или *и*.

В нашем случае речь идет о закономерностях фонетической адаптации русским языком (севернорусскими говорами) посредством гласных *ы* и/или *и* каких-то гласных одного или нескольких языков-источников. С учетом географии лексем на *рин(д)-/рын(д)-, рин’-/рын’* это могут быть субстратный язык (языки) Русского Севера и/или родственные ему живые языки — карельский или вепсский. Следует также иметь в виду, что корреляция *ы* // *и* в анализируемом материале может объясняться заимствованием из разных, но родственных языков в одно и то же время либо разное, т. е. сама эта корреляция может представлять собой либо синхронное, либо диахронное звуковое соответствие.

В севернорусских говорах *ы* и/или *и* могут замещать несколько гласных, их перечень приведен в [Матвеев, т. 1, с. 136–140], где вопрос адаптации гласных обсуждается в связи с проблемой происхождения *ы* в субстратной топонимии Русского Севера.

3.1. А. К. Матвеев указывает на то, что гласный *ы* может передавать звуки среднего ряда — приб.-фин. **i* и **e* либо саам. **i* и **e* (и это закономерно, потому что рус. *ы* тоже среднего ряда), тогда как гласный *и* обычно замещает приб.-фин. *i*. Ср. некоторые примеры: *Линдгора* и *Лынгора* (< **Лындгора*) и др. ~ фин. *lintu*, ливв. *lindu*, люд., вепс. эст. *lind* ‘птица’; *Ристеменя* и *Рыстов*, *Рыстозеро*, *Рыстюг* ~ фин. *risti*, эст. *rist* ‘крест’; *Тервич* и *Тырвица*, *Тырвуя* и др. ~ фин., карел. *terva*, вепс. *t’erv*, эст. *tõrv* ‘смола’, ‘деготь’; *Венегора* и *Вынохлошта* и др. ~ фин., эст. *vene*, карел., вепс. *veñeh* ‘лодка’ [Там же, с. 137].

Согласно автору, формы с *и*, *е* должны рассматриваться как поздние, а формы с *ы* — как ранние (т. е. как отражающие более позднюю или более раннюю русскую колонизацию). Зоны фиксации тех и других коррелируют с ареалами детерминантов *-лахта* и *-лохта* соответственно, при этом второй детерминант может иметь саамское происхождение [о детерминантах см. подробнее: Матвеев, т. 1, с. 133–136]. Наличие вариантов огласовки субстратной основы топонимов *ы* // *и*, таким образом, может быть обусловлено как диахронными звуковыми изменениями в языке-источнике и разным временем усвоения этой основы русским языком, так и разными источниками заимствования.

В границах Белозерского края отмечены оба детерминанта — и *-лахта* (Вят, Ваш), и *-лохта* (Бел). Однако в зоне детерминанта *-лохта* встречаются формы не только с *ы* — *рын(д)-, рын’*, но и с *и* — *рин(д)-, рин’* (см. таблицу выше). В отношении апеллятивной лексики это несоответствие, вероятно, объясняется еще действием миграционных процессов, которому лексика подвержена в большей степени, в отличие от микротопонимии с ее достаточно жесткой географической привязкой.

3.2. Однако сев.-рус. *ы* и/или *и* могут передавать не только приб.-фин. *i и *e либо саам. *i и *e, но и приб.-фин. *ü: ср., например, *Кыльма*, *Кыльмова* и др. наряду с *Кильмуя* и *Кюльма* ~ фин. *kylmä* ‘холодный’ [Там же, с. 138]. При картографировании топооснов обнаруживается та же закономерность: зоны распространения сев.-рус. *ы* ~ приб.-фин. *i и *e либо саам. *i и *e, с одной стороны, и сев.-рус. *ы* ~ приб.-фин. *ü, с другой стороны, везде совпадают. Но в отличие от корреляции сев.-рус. *ы* ~ приб.-фин. *i и *e либо саам. *i и *e объяснить соответствие сев.-рус. *ы* ~ приб.-фин. *ü весьма проблематично, хотя сам факт такой субституции сомнений не вызывает. С учетом этого А. К. Матвеев высказывает предположение о том, что сев.-рус. *ы* (~ приб.-фин. *ü) может отражать звуки среднего ряда, восходящие к какому-то языку саамского типа: ср. основу *пыш-* ~ саам. *pēsē ~ фин. *pyhä* ‘святой’ [Там же, с. 139–140].

В целом А. К. Матвеев отмечает сложность вопроса о происхождении гласного *ы* в субстратной топонимии Русского Севера и необходимость учитывать возможность сопоставления *ы* как с приб.-фин. *i и *e либо *ü, так и с саам. *i и *e. Очевидно, что эту возможность следует иметь в виду не только при этимологизации субстратной топонимии, но и лексики Русского Севера.

4. Составляющие морфосемантического поля *рин(д)-/рын(д)-, рин’-/рын’*: этимология

Анализ лексем на *рин(д)-/рын(д)-, рин’-/рын’*, для которых характерны фонетическое варьирование и различная денотативная отнесенность, целесообразнее производить, исходя из смыслового, а не звукового их тождества (или сходства). Это значит, что вместе будут рассмотрены имеющие разную огласовку корня репрезентанты одного значения, и отдельно — омонимичные друг другу репрезентанты разных значений. Сначала мы рассмотрим значения с наибольшим числом репрезентантов и их фиксаций: ‘иней или снег на ветвях деревьев’ и ‘часть рыболовной снасти: сеть с мелкой ячеей в середине снасти’, — затем остальные, исходя из смысловой близости значений или общности происхождения их репрезентантов.

Следует также отметить, что при сопоставлении анализируемых лексем на *рин(д)-/рын(д)-, рин’-/рын’* с прибалтийско-финскими и саамским языками, учитывались не только звуковые соответствия (см. выше) и семантика, но и сведения о былом этническом составе населения Русского Севера по данным субстратной топонимии [см.: Матвеев, т. 2, с. 330 (карта)].

Основной ареал лексем на *рин(д)-/рын(д)-, рин’-/рын’* — Вытегорский, Вашкинский и Белозерский районы Вологодской области. Согласно А. К. Матвееву, первые два района относятся к зоне бывшего расселения прибалтийских финнов (вепсов), второй — белозерских саамов и, предположительно, мери.

Другой ареал образуют рыболовецкие термины *ринда* и *рында*: Онежский, Плесецкий, Холмогорский, Шенкурский и Мезенский районы Архангельской области — в зоне бывшего расселения и прибалтийских финнов (карел), и саамов

(с количественным преобладанием либо тех, либо других в разных районах). В то же время этот ареал можно рассматривать как продолжение предыдущего, учитывая фиксацию *рында* 'часть рыболовной снасти: сеть с мелкой ячейей в середине снасти' и под. в Вытегорском районе Вологодской области и путь новгородской колонизации — с запада через побережье Белого моря — на восток и юго-восток региона.

***Рында / рында, рындега / рындюга / рындыга / рынега, ринь / рынь*
'иней или снег на ветвях деревьев' и под.**

Слова *рында / рында, ринь / рынь* в указанных значениях, а также *рындега* зафиксированы в Белозерском районе Вологодской области, тогда как в Вытегорском районе отмечаются только формы на *-Vga*: *рындюга / рындыга / рынега*.

Данные лексемы можно соотнести с саам. *ridne* 'давно лежащий снег, толстый слой инея (на деревьях)' [KKLS, s. 159], Луле *ritnē*, север. (норв.) *ridne*, Инари *rine*, Кильдин *rin*, Колтта *re'nn* [Lehtiranta, s. 112–113], сонгельск. *rēnn^e*, латив *rēnna* 'иней на окне' [KKLS, s. 431]. В саамских диалектах засвидетельствованы те, же что в севернорусских говорах формы — с группой согласных на конце основы либо одиночным согласным. Формы *рында / рында* при исходном саам. *ridne* скорее всего объясняются метатезой взрывного и сонорного согласных [д-н] > [н-д], вследствие которой рядом оказываются два сонорных [р-н]. А. К. Матвеев в свое время обращал наше внимание на то, что в марийском языке саамским лексемам соответствует *рүн* 'иней' (диал.) [МРС, с. 511]. С его точки зрения, такая саамско-марийская параллель может говорить в пользу мерянского субстрата в Белозерье [см.: Феоктистова, с. 38]. С. А. Мызников разделяет наше мнение о саамском происхождении севернорусских метеонимов, но скептически относится к сопоставлению с мар. диал. *рүн* [РДЭС, с. 694]².

Лексемы на *-Vga* — *рынега, рындега, рындюга, рындыга*, — очевидно, имеют прибалтийско-финское происхождение и возникли в результате межъязыковой интерференции, при переоформлении саамского метеонима по прибалтийско-финскому типу (с расширением основы в косвенных падежах) в речи самих прибалтофиннов или же русских. Ср., например, влг. (Выт) *гута* и *кудега* [КСГРС], арх. *гудега* [Подвысоцкий, с. 35; СРНГ, вып. 7, с. 200] ~ фин. *huude*, род. п. *huuteen*, карел. *huueh*, *huueh*, род. п. *huutehen* 'иней' [Kalima, S. 93], вепс. *hüüdög*, диал. *uude* 'иней' [SKES, s. 91].

В связи с метеонимами *рында / рында* заслуживают внимания глаголы *рындить* 'индеветь' (Выт): «Рындит всё в сенах, рындега» [КСГРС]; *обрындесть* (Выт) 'покрыться инеем' [СРГК, вып. 5, с. 594]; *обрындать* 'значение?' (Бел): «Рында острая падает с деревьев, скажут: "Ой, обрындало"» [КСГРС].

² Здесь же С. А. Мызников приводит карел. рус. *рүмбега* 'иней над притолокой', для которого предполагает родство с саам. кильд. *rutms*, род. *rutmmas* 'туман, пар', отмечая, что «непонятно место этой лексемы в саамских диалектах и ее связь с прибалтийско-финскими языками» [РДЭС, с. 690]. Автор, однако, не поясняет, как следует рассматривать карел. рус. *рүмбега* и ее возможную связь с саам. кильд. *rutms* в отношении влг. *рында, рынь* и форм на *-Vga* — *рындыга* (последнее вынесено в качестве заглавного слова словарной статьи).

С. А. Мызников помещает *обрýндеть* в словарную статью на *рындя́га*, где приводятся и другие однокоренные слова, включая *рында́* [РДЭС, с. 694]. От последнего, скорее всего, образован глагол *рындить* по имеющейся в русском языке модели (типа *дождь > дождить*, *снег > снежить*). Отыменное происхождение глагола также подтверждается возможностью его употребления в одном контексте с метеономимом (см. выше «Рындит всё в сенах, рындега»). *Обрындеть*, таким образом, является префиксальным производным от *рындить* (в РДЭС бесприставочный глагол не приводится); гласный [э] в заударной позиции, вероятно, возник вследствие гиперкоррекции на фоне «иканья» в речи диалектоносителя и/или лексикографа.

Другой глагол с приставкой *об-* — *обрýндать* — следует возвести либо непосредственно к *рында́*, либо к производному от него *рында́ть* (учитывая заударный вокализм слова).

Обращает на себя внимание арх., нижегор. *рында́ть* ‘падать, идти (о снеге)’: «Снег рындает» [СРНГ, вып. 35, с. 311], — однако значение данного глагола, точнее его словарная дефиниция, вызывает некоторые сомнения в свете полевых записей из [КСГРС]. Ср. арх. *рында́ть* ‘проваливаться под ногами, не выдерживая тяжести (о снеге)’, ‘проваливаться, идя по рыхлому снегу’; *рында́ть* и *рында́ть* ‘проваливаться, вязнуть (в снегу, болоте)’: «Кони рындают, нельзя ехать», ‘проваливаться на льду’: «Даве как ездили, так лошади рындали, а ноне пешо ходил от нас паря, да мало не потонул». В контексте «Снег рындает» глагол мог быть также употреблен в значении ‘проваливаться под ногами, не выдерживая тяжести’. Данное значение метонимически соотносится с другими: в рамках одной и той же ситуации перемещения по нетвердой поверхности при смене точки зрения объект воздействия (рыхлый снег, лед) становится «субъектом». См. также арх. *рында́ть* ‘проседать, проступаться» [Опыт, с. 194], ‘проступаться на льду» [Доп.-Опыт, с. 234; Подвысоцкий, с. 147]. Схожую ситуацию движения по нетвердой поверхности описывает пск., твер. *рында́ть* и *рында́ть* ‘ходить по грязи, шлепать» [СРНГ, вып. 35, с. 311].

Я. Калима [Kalima, S. 208], располагая только *рында́ть* ‘падать, идти (о снеге)’, считал данный глагол прибалтийско-финским заимствованием и сравнивал его с фин. *rentiä, rennin* ‘брести, идти в брод, шлепать’. Он привлекал к анализу также нижегор. *рында́ло* ‘болото, трясина’, производя его от *рында́ть* и высказывая удивление по поводу географии термина. Но помету «нижегор.» имеет и глагол *рында́ть*, что Я. Калима упустил из виду при его этимологизации.

С. А. Мызников разграничивает *рында́ть* ‘падать, идти (о снеге)’ и *рында́ть* ‘проседать, проступаться’, ‘проступаться на льду»³ как гетерогенные омонимы, нижегор. *рында́ло* ‘болото, топь, трясина’ рассматривает отдельно [см.: РДЭС,

³ Со вторым из этих глаголов С. А. Мызников [РДЭС, с. 671] связывает также происхождение арх. *ринду́лить* ‘скользить» [Подвысоцкий, с. 147], однако данная этимология, на наш взгляд, нуждается в обосновании как с точки зрения фонетики (словообразования), так и с точки зрения семантики (скольжение представляет собой иной тип перемещения — по твердой поверхности, тогда как *рында́ть* обозначает перемещение по нетвердой).

с. 695]. Для первого глагола он допускает связь с арх., влг., карел. рус. *рýнда* ‘снег с дождем; мокрый снег’⁴ и др., а также с карел. ливв. *ränneht’ie* ‘снежить’ [СКЯМ, с. 322], не объясняя различий в вокализме первого ударного слога. Это означает, что *рýндать* ‘падать, идти (о снеге)’ должно быть либо непосредственно заимствовано из карельского языка, либо образовано на русской почве от прибалтийско-финского заимствования, при этом фиксация *рýндать* ‘падать, идти (о снеге)’ в нижегородских говорах также не принимается во внимание.

Что касается второго из рассматриваемых глаголов — *рýндать* ‘проседать, проступаться’, ‘проступаться на льду’, то его С. А. Мызников соотносит с арх., пск., твер. *рýмбать* ‘проваливаться, вязнуть (в снегу, болоте)’ и под., которое, по его мнению, заимствовано либо из карельского языка — ср. карел. ливв. *räntätä, rüntätä* ‘брести, плестись, идти с трудом’ [Там же, с. 319, 322], либо из пермских — ср. коми *робны, робъялны* ‘бродить по снегу, грязи, воде’ [КЭСЯ, с. 241] и др. Однако различия в фонетике (корреляция *-нд-/-мб-*, вокализм) и семантике русских диалектизмов и лексем в языках-источниках не объясняются. Сущ. *рýндало* ‘болото, топь, трясина’ С. А. Мызников предлагает связывать с морд. эрз. *лымбамс* ‘колыхаться, колебаться’ [ЭРС, с. 354].

Далее попытаемся резюмировать сказанное выше о семантике и происхождении *рýндать* и *обрýндать*. У глагола *рýндать* выделяются три группы значений, которые также частично противопоставлены друг другу географически:

- пск., твер. ‘ходить по грязи, шлепать’;

- арх. ‘проваливаться, вязнуть (в снегу, болоте)’, ‘проступаться на льду’ и сюда же — при смене точки зрения на ситуацию перемещения — ‘проваливаться под ногами, не выдерживая тяжести (о снеге)’;

- арх., нижегор. ‘падать, идти (о снеге)’.

Значение глагола в псковских и тверских говорах — ‘ходить по грязи, шлепать’ — ближе всего к значению прибалтийско-финских лексем, которые входят в одно этимолого-словообразовательное гнездо и рассматриваются Я. Калимой и С. А. Мызниковым в качестве источника заимствования: ср. фин. *rentiä, rennin* ‘брести, идти вброд, шлепать’, карел. ливв. *räntätä, rüntätä* ‘брести, плестись, идти с трудом’. В архангельских говорах отмечены значения, которые можно квалифицировать как следующую ступень семантического развития заимствованного глагола: ‘проваливаться, вязнуть (в снегу, болоте)’ и под. Они могли возникнуть еще в языках-источниках (а не на русской почве) вследствие расширения денотативной области исходного значения (среда перемещения, тип поверхности) при сохранении его сигнификата (характер движения — ‘идти с трудом, вязнуть’).

От арх., пск., твер. *рýндать* ‘проваливаться, вязнуть (в снегу, болоте)’ и под., вероятно, не следует отделять арх., нижегор. *рýндать* ‘падать, идти (о снеге)’, предполагая, что значение сформулировано неточно: *снег рындает = проваливается*. С учетом фиксации глагола в нижегородских говорах к нему можно

⁴ Об этимологии *рýнда* и родственных ему лексемах в русском языке и языках-источниках см. подробнее [РДЭС, с. 701–702].

возвести отмеченное здесь же *рында* ‘болото, топь, тряси́на’, т. е., вопреки С. А. Мызникову, необязательно сопоставлять данный географический термин с морд. эрз. *лымбамс* ‘колыхаться, колебаться’. Если же считать, что значение арх., нижегор. *рындать* именно ‘падать, идти (о снеге)’, то фонетически более близкая к нему форма, от которой он мог быть образован, все же не *рянда* ‘снег с дождем; мокрый снег’, а *рында* ‘иной или снег на ветвях деревьев’.

В архангельских, псковских и тверских говорах наряду с *рындать* ‘проваливаться, вязнуть (в снегу, болоте)’ отмечен с тем же значением глагол *рымбать*. Фонетические различия между ними (группа губных согласных [мб] вместо переднеязычных [нд]) можно объяснить ассимилятивно-диссимилятивными процессами под влиянием звукового контекста (в окружении переднеязычных согласных, см.: *рындает, рында*). Форма *рындать* фонетически ближе к прибалтийско-финским лексемам (см. выше), которые также содержат группу переднеязычных согласных; *рымбать* скорее следует рассматривать как вторичную по отношению к ней форму либо как другое слово с иным происхождением (см. выше этимологию С. А. Мызникова из коми *робны, робъялны* ‘бродить по снегу, грязи, воде’ [КЭСЯ, с. 241]). С другой стороны, география распространения *рындать*, как и *рымбать*, допускает возможность заимствования из пермских языков, однако формальная сторона сравнения с коми *робны, робъялны* нуждается, на наш взгляд, в пояснении.

***Ринда / рында* ‘часть рыболовной снасти:
сеть с мелкой ячейей в середине снасти’ и под.**

Ареал рыболовецкого термина охватывает Архангельскую область (Мез, Он, Плес, Холм, Шенк), Мурманскую (Канд, Кольск, Терск) и Вологодскую (Выт) области, а также Республику Карелия (Беломор, Кем, Конд, Медв). Данный термин засвидетельствован в двух вариантах — *рында* (Плес; Кем (здесь в форме мн. ч. — *рынды*), Терск) и *ринда* (на остальной территории). Сводные данные по имеющимся лексикографическим источникам с указанием дефиниций, контекстов-иллюстраций и географических помет представлены в словарной статье на *ринда* [см.: РДЭС, с. 670–671]; материалы из картотеки СГРС см. выше. От *ринда* образованы карел. рус. *за́ринье / за́ренье* ‘часть невода между риндой и основной сетью’ и др., арх., карел. рус. *за́ринья* [СРНГ, вып. 10, с. 383; и др.] (из *зариндье* [РДЭС, с. 671 (со ссылкой на Я. Калиму)]; к ним следует добавить влг. (Выт) *риндвка* ‘рыболовная снасть, род мережи’ [КСГРС].

Этимология термина была предложена Я. Калимой и поддержана впоследствии другими исследователями (см. литературу в: [РДЭС, с. 671]). Согласно Я. Калиме, *ринда* восходит к карел. *r'inda* ‘грудь, передняя наиболее густая часть сети’, при люд. *rind* ‘то же’, вепс. *rind* ‘грудь рубашки’ [Kalima, S. 201]. См. также карел. *rinta, rinda, řinda*, ливв. *rinđu* ‘частая сеть в середине невода’, люд. *rind, rinde* ‘сеть невода’ [SKES, с. 803–804 (со ссылкой на Я. Калиму)]; см. также: KKS, о. 5, s. 107]. С. А. Мызников в ряду сопоставлений приводит также

лив. *rīnduks* ‘задняя часть сети, основание или веревка, которой соединяют сети’, саам. кольск. *raDD^E* ‘боковая сеть невода’ [SKES, s. 803–804]. Фиксация варианта *rīnda* в Вытегорском районе Вологодской области, а варианта *rynda* в Плесецком районе Архангельской области допускает, на наш взгляд, возможность заимствования именно на данной территории из вепсского либо саамского языка соответственно.

В языках-источниках — карельском, вепсском или саамском — соответствующие лексемы отмечены также в «анатомическом» значении (‘передняя часть туловища’): см. карел. ливв. *rindu* ‘грудь’ [СКЯМ, с. 307], вепс. *rind* ‘то же’ [СВЯ, с. 473], саам. Кильдин *ran^{dtE}* ‘грудь человека (главным образом грудная полость)’ [SKES, s. 803–804]. Данное значение легло в основу метафорического употребления слова по отношению к рыболовной снасти: передняя часть невода подобна конусовидной и дугообразной форме грудной клетки [см.: Феоктистова, с. 37; РДЭС, с. 671]. Это предположение подтверждает семантика фин. *rinta* ‘грудь’, которое имеет целый набор сходных переносных значений: ‘передняя часть закола’, ‘передняя загнутая часть саней’, ‘верхний изогнутый край обуви, колодки или плюсны’ [SKES, s. 803] (присутствующие в дефинициях значений семы ‘загнутая’, ‘изогнутый’ выполняют не только функцию детализирующего описания предметов, но и участвуют в процессе номинации наряду с другими компонентами исходного значения — ‘верхний’, ‘передний’).

***Рында* ‘запеканка из молозива’**

Для влг. (Ваш) *rynda* ‘запеканка из молозива’, на наш взгляд, также есть возможность истолкования с опорой на прибалтийско-финские или саамские лексемы, которые выше рассматривались как возможный источник рыболовецкого термина *rīnda* / *rynda*. В ливвиковском диалекте карельского языка отмечен ряд словосложений с первой частью *rindu* ‘грудь (передняя часть туловища)’, в их числе *rindumaido* ‘грудное молоко’ (при *maido* ‘молоко’) [СКЯМ, с. 307, 200]⁵. В широком смысле это может быть и коровье молоко, и молозиво, которое указано как основной ингредиент запеканки для влг. (Ваш) *rynda*. В языке-источнике (с учетом географии это скорее вепсский или саамский) либо русском языке подобное словосложение могло подвергнуться компрессии (типа карел. ливв. *rinduverko* = *rindu* ‘передняя сетка, или крыло бредня’, при *verko* ‘сеть, сетка’ [СКЯМ, с. 307, 424]) и начать метонимически использоваться для номинации блюда по его основному ингредиенту, если не в языке-источнике (такими данными мы не располагаем), то в русском. Ср. в плане типологии исконно русское (влг.) *supéy* ‘молозиво’ и ‘запеченное в печи молозиво’ [КСГРС; СВГ, вып. 10, с. 11] в гнезде праслав. **sěra* ‘молозиво’ [см.: Осипова, с. 115–116].

⁵ Для обозначения молочных желез (груды) в карельском языке используется другая лексема — *nānni* [БКРС, с. 74; РКС, с. 83].

***Ринда* ‘старая рваная одежда, лохмотья’,
ринда / *рында* ‘неряшливый человек’ и под.**

С влг. (Выт) *ринда* ‘старая рваная одежда, лохмотья’, ‘оборванный человек в старой изношенной одежде’ явно коррелирует сев.-зап. *рында* ‘неряшливый человек’. С. А. Мызников [РДЭС, с. 671] справедливо обращает внимание на ливв. *rüntti* ‘маленький, оборванный, грязный, некрасивый человек’, люд. *rünt'i* ‘беспутный человек’ [SKES, s. 899], поскольку карельский язык в данном случае следует рассматривать в качестве непосредственного языка-источника. Однако предложенное нами ранее сравнение с фин. *ryntty* ‘тряпье, лохмотья, ветошь’, ‘оборванный, плохо одетый человек’ [Ibid.], на наш взгляд, также уместно [см.: Феоктистова, с. 36]. Это слово родственно ливв. *rüntti*, люд. *rünt'i* [см.: SKES, s. 899], наличие у него тех же значений, что и у влг. *ринда*, во-первых, позволяет реконструировать значение ‘старая рваная одежда, лохмотья’ для карельского языка и, во-вторых, указывает на заимствованный характер обоих значений (а не только ‘оборванный человек в старой изношенной одежде’, ‘неряшливый человек’) в русском.

С. А. Мызников [см.: РДЭС, с. 671, 666], впрочем, считает, что влг. (Выт) *ринда* ‘старая рваная одежда, лохмотья’⁶ не следует отрывать от прионеж. *рибáнда* ‘старая ветхая одежда, тряпки’ [СРГК, вып. 5, с. 525], которое, по его мнению, образовано от влг. (Баб) *рибáндать* ‘отделять от стеблей, отбивать, счесывать коробочки льна’ [СРГК, вып. 5, с. 525]. Однако, на наш взгляд, сближение *ринда* и *рибáнда* наталкивается на трудности формального плана (учитывая разный фонемный состав лексем), которые нуждаются в пояснении. Данные прибалтийско-финских языков, приведенные выше, — фин. *ryntty*, ливв. *rüntti*, люд. *rünt'i* — фонетически и семантически ближе влг. *ринда*, сев.-зап. *рында*.

Сокращения

В названиях административно-территориальных единиц

Арх	Архангельская область (губерния)	Кем	Кемский район Республики Карелия
Баб	Бабаевский район Вологодской области	Кол	(Кемский уезд Архангельской губернии) Кологривский район Костромской области
Бел	Белозерский район Вологодской области	Кольск	Кольский район Мурманской области
Белом	Беломорский район Республики Карелия	Конд	Кондопожский район Республики Карелия
Ваш	Вашкинский район Вологодской области	Костр	Костромская область
Выт	Вытегорский район Вологодской области	Медв	Медвежьегорский район Республики Карелия
Канд	Кандалакшский район Мурманской области	Мез	Мезенский район Архангельской области

⁶ Другое значение этого слова, а также сев.-зап. *рында* в [РДЭС, с. 671, 666] не приводятся.

Он	Онежский район Архангельской области	Терск	Терский район Мурманской области
Пин	Пинежский район Архангельской области	Холм	Холмогорский район Архангельской области
Плес	Плесецкий район Архангельской области	Шенк	Шенкурский район Архангельской области

В названиях языков и диалектов

англ.	английский язык	праслав.	праславянский язык
вепс.	вепсский язык	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
карел.	карельский язык	саам.	саамский язык
лив.	ливский язык	саам. кольск.	кольско-саамский язык
ливв.	ливвиковское наречие карельского языка	север. (норв.)	северносаамский язык
люд.	людиковское наречие карельского языка	сонгельск.	сонгельский диалект саамского языка
мар.	марийский язык	фин.	финский язык
морд. эрз.	мордовский (эрзянский) язык	эст.	эстонский язык

В названиях русских народных говоров

арх.	архангельские	пск.	псковские
влг.	вологодские	сев.-зап.	северо-западные
заон.	заонежские	сев.-рус.	севернорусские
нижегор.	нижегородские	ср.-обск.	среднеобские
новг.	новгородские	твер.	тверские
прионеж.	прионежские		

Прочие

диал.	диалектное	проф.	профессиональное
жарг.	жаргонное	род. п.	родительный падеж
морск.	морское		

Источники

БРКС — Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Verso, 2011.

Доп.-Опыт — Дополнения к Опыт областного великорусского словаря. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.

КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Куликовский — Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. Г. Куликовский. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898.

МРС — Марийско-русский словарь: с прил. краткого грамматич. очерка марийск. яз. / сост.: А. А. Асылбаев, В. М. Васильев, П. Г. Рыбакова и др. М.: ГИС, 1956.

НОС — Новгородский областной словарь: в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород: Изд-во Новгор. пед. ин-та, 1992–1995.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852.

ПЛГО — полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные С. А. Мызниковым в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).

Подвысоцкий — Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. Александр Подвысоцкий. СПб. : 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885.

РКС — Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) / сост.: П. М. Зайков и др.]. Петрозаводск : Периодика, 2015.

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1983–2007.

СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.

СКЯМ — Словарь карельского языка : (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск : Карелия, 1990.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / под ред. А. С. Герда. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

СРФ — Словарь русской фразеологии : ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб. : Фолио-пресс, 1998.

ЭРС — Эрзянско-русский словарь : ок. 27000 слов / [Р. Н. Бузакова и др.] ; под ред. Б. А. Серебrenникова и др. М. : Рус. яз. : ТОО «Дигора», 1993.

KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. O. I–II. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958. (Lexica societatis Fenno-Ugricae ; XV).

KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. O. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki : SUS, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XVI). URL: https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi (дата обращения: 01.09.2021).

Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; 200).

Исследования

КЭСЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2015.

Осипова К. В. Сборная *селянка* // Русская речь. 2016. № 4. С. 113–118.

РДЭС — *Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

Феоктистова Л. А. Севернорусское диалектное *рында* // Финно-угорское наследие в русском языке : сб. науч. тр. Вып. 2 / редкол.: А. К. Матвеев (отв. ред.) и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 36–44.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1919. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; XLIV).

SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981. (Lexica societatis Fenno-ugricaе, XII).

References

Feoktistova, L. A. (2002). Severnorusskoe dialektnoe *rynda* [Northern Russian Dialect *рында*]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Finno-ugorskoe nasledie v russkom iazyke* [Finno-Ugric Heritage in Russian] (pp. 36–44). Yekaterinburg: Ural University Press.

Itkonen, E., Joki, A. J., & Peltola, R. (Eds.). (1955–1981). *Suomen kielen etymologinen sanakirja* (Vols. 1–7). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Kalima, J. (1919). *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.

Lytkin, V. I., & Gulyaev, E. S. (1970). *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [Brief Etymological Dictionary of the Komi Language]. Moscow: Nauka.

Matveyev, A. K. (2001–2015). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 1–4). Yekaterinburg: Ural University Press.

Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Lexis of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Osipova, K. V. (2016). Sbornaia *selianka* [A Collected *селянка*]. *Russkaya Rech*, 4, 113–118.

Феоктистова Любовь Александровна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: l.a.feoktistova@urfu.ru

Feoktistova, Lyubov Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of Russian Language, General
Linguistics, and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: l.a.feoktistova@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6640-4815>
ResearcherID: T-7885-2017
Scopus AuthorID: 57190255017